

УДК 93/94

САМАРСКОЕ УЧИТЕЛЬСТВО В 1917–1927 ГГ.

© 2026 Н. А. Татаренкова

Самарский государственный медицинский университет

Статья поступила в редакцию 16. 12. 2025

Ссылка для цитирования: Татаренкова Н.А. Самарское учительство в 1917-1927 гг.// Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. 2026. Т. 8. № 1. С. 48-58.

На основе анализа архивных и открытых источников автор рассматривает историю самарского учительства в переломный для страны период. Анализируются изменения в кадровом составе работников просвещения на региональном уровне, которые позволили превратить советскую школу в важный инструмент строительства социалистического общества. Показано, что особенности Самарского Поволжья наложили отпечаток на процессы, которые происходили в системе народного образования в 1917–1927 гг. В регионе, который оказался в эпицентре Гражданской войны, голода 1921–1922 гг., учитель находился в бедственном положении. Государство не могло обеспечить ему дореволюционные жизненные стандарты. Материальное положение учительства характеризуется как фактор, который оказывает значительное влияние на становление этой профессиональной группы и ее общественно-политическую активность. Доказывается, что в 1927 г. среднемесячный заработок учителей превысил дореволюционный, однако с учетом их высокой общественной нагрузки был недостаточным. Сделан вывод, что учительство Самарской губернии было разнообразным по своему социальному происхождению, уровню образования и педагогического стажа. Различия существовали между педагогами губернского центра и уездов. Приводятся данные о том, что к концу рассматриваемого периода в г. Самара трудились преимущественно учителя, имевшие дореволюционный педагогический опыт. Через систему различных курсов повышения квалификации началась массовая переподготовка «старого» учительства с упором на политическое просвещение. В уездных образовательных учреждениях преобладало новое поколение учительских кадров из рабочих и крестьян, не имевшее достаточного педагогического опыта, но активно включившееся в процессы социалистических преобразований и общественно-политическую работу. Показано, что на всем протяжении изучаемого периода система народного образования испытывала дефицит учителей, особенно высшей квалификации. Основным источником формирования педагогических кадров для Самарской губернии стали педагогические техникумы, которые готовили специалистов в том числе и для национальных школ. Дается оценка обозначившейся к середине 1920-х гг. тенденции тесно увязывать профессиональные качества учителей с их политической позицией.

Ключевые слова: Народный комиссариат просвещения, Педагогический институт, педагогический стаж, педагогический техникум, политическое просвещение, Самарская губерния, учительские кадры.

DOI: 10.37313/2658-4816-2026-8-1-48-58

EDN: YBOWJL

Педагогическая интеллигенция – это та социальная группа, чье положение и самочувствие в обществе является показательным для характеристики самого общества любой эпохи. Она является носителем не только знаний и культурных ценностей, но и общественно-политических идеалов, воспитателем подрастающих поколений. От учителя во многом зависит выбор жизненной позиции его учеников. Поэтому изучение истории учительства на общероссийском и региональном уровне особенно в переломные эпохи является актуальной задачей. Формирование современной политики

Татаренкова Наталья Андреевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества, медицины и социальных наук. E-mail: ntatarenkova@mail.ru

в отношении педагогических кадров должно опираться на научные знания того, как она выстраивалась в различные исторические периоды, как функционировала система взаимодействия «государство – учитель – ученик».

Первое послереволюционное десятилетие было временем, когда учитель буквально выживал в условиях жестокой Гражданской войны, решал задачи ликвидации неграмотности детей и взрослых, был вовлечен в осуществление планов построения социализма, поставленных государством и правящей партией. Целью данного исследования является анализ тех изменений, которые произошли в кадровом составе просвещенцев Самарской губернии в 1917–1927 гг., позволивших превратить советскую школу в один из важных инструментов формирования нового социалистического общества. При этом были поставлены такие задачи, как определение источников становления учительских кадров, изучение их материального положения как фактора, который оказывает значительное влияние на становление этой профессиональной группы и ее общественно-политическую активность.

Источниковой базой послужили материалы Центрального государственного архива Самарской области, а также документы, находящиеся в открытом доступе. В процессе работы автор, стремясь к научной объективности, использовал общенаучные и специальные исторические методы исследования (анализ, синтез, сравнение, обобщение, историзм и др.).

Особенности Самарского Поволжья не могли не наложить свой отпечаток на процессы, которые происходили в системе народного образования в первое послереволюционное десятилетие. Это был преимущественно аграрный регион с невысоким уровнем грамотности, территорию которого затронули военные действия Гражданской войны, голода 1921–1922 гг. Положение работников просвещения в эти годы было необычайно тяжелым. Учителя не снабжались промышленными товарами, по несколько месяцев им задерживалась выплата заработной платы. Хозяйственная разруха привела к тому, что размер учительского продовольственного пайка находился на уровне полугодного минимума. В апреле – мае 1921 г. норма питания педагогов в Самарской губернии была равна детской норме и доходила до четверти фунта хлеба¹. Приобрести же продукты на рынке было просто невозможно из-за высочайших цен: в 1921 г. черный хлеб стоил около 2 тыс. руб. за фунт, масло и сахар – около 20 тыс. руб. за фунт, мясо – 6 тыс. руб.² Да и сам размер заработной платы трудно назвать даже прожиточным минимумом. В 1922–1923 уч. г. средний месячный заработок по стране составлял 11,5 руб., а средний заработок учителя в Самарской губернии – всего 5 руб. в месяц, тогда как в 1914 г. он был равен 35 руб. при среднемесячной зарплате по стране в 24,3 руб.³

В ситуации, когда государство не могло выполнить свою важнейшую социальную функцию, оно передало решение задачи материального обеспечения сельского учительства крестьянским обществам. Учителя, работавшие в школах, находившихся на договорных началах, вместо заработной платы получали 2–5 пудов хлеба в год и иногда право обедать по крестьянским дворам. Такой минимальный годовой учительский паек могли выделить тогда крестьянские общества, чье экономическое положение в условиях послевоенной разрухи было крайне тяжелым. Учитывая нелегкое материальное положение учительства, вряд ли стоит романтизировать его отношения с новой властью, как это традиционно делалось раньше во многих исследованиях.

Постепенно с появлением первых результатов НЭПа положение деревни и педагогов стало улучшаться. В 1923–1924 уч. г. снабжение учителей по договорам с сельскими обществами возросло в среднем по губернии до 10 пудов хлеба в год, а к апрелю 1924 г. все работники договорных школ были переведены на местный бюджет⁴. В 1925–1926 уч. г. заработная плата учителей начальной школы приблизилась к довоенному уровню и составляла 32 руб. в месяц, а учителей старшей школы – превысила его, достигнув 45 руб. в месяц⁵. В 1927 г. учителя школ I ступени стали получать 44 руб., школ II ступени – 70 руб. в месяц, что почти равнялось среднемесячному окладу рабочих промышленности и железнодорожного транспорта (70,24 руб. в 1928 г.). В переводе на бюджетные (дореволюционные) рубли это превышало довоенный уровень в 1,5 раза⁶. Учителям были предоставлены

бесплатные коммунальные услуги, сельским педагогам – 10% надбавка к заработной плате, бесплатные поездки на конференции работников просвещения и на курсы по повышению квалификации, с 1925 г. введено пенсионное обеспечение⁷. Таким образом, уровень материального обеспечения учительства в 1920-е гг. довольно быстро повышался, однако заработная плата самой массовой категории учителей школ I ступени еще серьезно отставала от среднемесячных окладов других профессиональных групп. И эта ситуация не соответствовала одному из главных принципов советской модели «справедливой» заработной платы – ее уравнительности. Низкая оплата учительского труда в 1920-е гг., как и в настоящее время, снижала социальную значимость этой важной профессии и вела к нехватке педагогов в школах.

В годы Гражданской войны в народном образовании Самарской губернии ощущался тяжелый кризис учительских кадров. К 1 апреля 1920 г. из 8382 учительских вакансий в школах I ступени и 740 в школах II ступени оставались незамещенными до 1200 мест⁸. Острая нехватка учительских кадров еще более усугубилась в связи с голодом начала 1920-х гг., который стал причиной резкого сокращения числа педагогов в Самарской губернии. От него умирали, от него спасались, уезжая в другие районы страны, не пострадавшие от засухи. В 1921–1922 гг. в губернии работало 2072 учителя в школах I и II ступени, что примерно в 3,5 раза меньше, чем в 1919–1920 уч. г.⁹ Особенно остро эта проблема чувствовалась в уездах. Например, в Бугурусланском уезде в начале 1922 г. число педагогов сократилось на 80% по сравнению с 1919 г. Если в г. Самара на каждую школу приходилось в среднем по 10–11 учителей, то в Ставропольском уезде – по 2–3 учителя, в Мелекесском – по 1–2 на школу. Вследствие этого и нагрузки на одного школьного учителя в губернском центре и уездных школах были далеко не равнозначными. Так, если в г. Самара на одного педагога приходилось в среднем 25 учеников (в 44 школах города обучалось 11700 учащихся и работало 477 учителей), то в г. Балаково нагрузка на одного учителя составляла уже 35 человек, а в уездах в ряде школ она была и свыше 100¹⁰.

Дефицит учительских кадров ощущался в течение всего рассматриваемого периода, хотя их число постоянно возрастало: в 1923–1924 уч. г. в школах губернии работало 2775 педагогов, в 1926–1927 уч. г. – 3912¹¹.

Учительские кадры страны в изучаемый период отличались разнообразием своего социального происхождения. Рассмотрим, как за период 1917–1927 гг. изменился состав учительства Самарской губернии. Особенность Самарской губернии заключалась в том, что большинство ее учителей были выходцами из крестьян. В уездах они составляли 55% от общего числа педагогов. Часть учительства происходила из бывших духовного сословия (35%), мещан и мелких чиновников (10%)¹². Различным был и уровень образования, педагогический опыт, общественно-политические взгляды. Несмотря на это, большинство учителей с энтузиазмом включились в дело строительства единой трудовой школы.

В первые годы советской власти в школах практически отсутствовали педагоги с высшим образованием. Это объясняется тем, что дореволюционная система подготовки учительских кадров не предполагала получение ими такого высокого уровня квалификации. Например, в Бузулукском уезде в 1923 г. педагогов со средним образованием насчитывалось 60%, и 40% учителей имели низшее образование. Учителей высшей квалификации в уезде не было совсем¹³. В Бугурусланском уезде в том же году из 236 учителей только двое имели высшее (университетское) образование, остальные трудились на этом поприще после окончания гимназий, педагогических курсов, учительских семинарий и институтов, медресе, духовной семинарии, епархиального училища и др. В 1925–1926 уч. г. только 36 учителей этого уезда имели высшее и специальное высшее образование¹⁴.

Образовательный уровень учителей в рассматриваемый период повышался медленно. Так, если в 1923 г. педагогов с высшим образованием в уездах Самарской губернии было 5%, со средним – 67%, с низшим – 28%, то в 1924–1925 уч. г. высшее образование имели 5–8% сельских учителей, среднее – 80%, низшее – 12–15%¹⁵. Приведенные данные позволяют сделать вывод о том, что преподавание в школах I ступени в изучаемый период вели в основном учителя со средним и низшим образованием, учителя с высшим образованием были большой редкостью.

Ситуация в губернском центре была намного лучше: в 1923 г. в г. Самара высшее образование имели 11% педагогов, среднее – 85%. В 1927–1928 уч. г. высшую квалификацию имели 39,9% учителей и среднюю 53,3%. В школах повышенного типа более половины преподавателей – 56% – имели высшее образование¹⁶. Таким образом, за четыре года удалось значительно повысить такой важнейший качественный показатель, как образовательный уровень учительства.

Недостаточная квалификация учителей и их большой кадровый голод вызывали необходимость подготовки новых педагогов. А. В. Луначарский писал: «Особое значение при столь яркой революции в школе надо признать за выработкой нового учительства, а, стало быть, за правильной постановкой педтехникумов и педвузов»¹⁷.

29 октября 1917 г. был официально открыт Педагогический институт в Самаре, преобразованный в 1918 г. в университет. Костяк его преподавателей составили петроградские ученые. В 1921 г. в университете работали 48 профессоров, 63 преподавателя, 49 ассистентов, 29 научных сотрудников и др.¹⁸ Они обеспечили высокий уровень не только научной, но и преподавательской деятельности, перенесли в нее дореволюционные традиции высшего образования.

Университет стал готовить преподавателей для школ II ступени на педагогическом факультете, который состоял из трех отделений – физико-математического, естественного и словесно-исторического. В 1921–1922 уч. г. на педагогическом факультете Самарского университета обучалось 804 студента, в 1922–1923 уч. г. – 656¹⁹. Однако уже весной 1922 г. встал вопрос о существовании университета в Самаре. В соответствии с распоряжением Главного управления профессионально-технического образования Наркомпроса объединенное заседание президиума губкома РКП(б) и губисполкома 20 апреля постановило университет закрыть. Некоторое время, до сентября 1923 г., университет продолжал работать без поддержки центра за счет фонда, который складывался из студенческих отчислений, пожертвований шведских педагогических обществ в пользу педагогического факультета, облигаций хлебного займа²⁰. Подготовка педагогических кадров высшей квалификации, необходимых для развития школьного образования, будет восстановлена в Самаре только в 1929 г. в стенах педагогического института.

В рассматриваемый период сложился основной тип педагогических учебных заведений в Самаре – педагогические техникумы, которые в 1934 г. будут переименованы в педагогические училища. Они стали создаваться с 1921 г. вместо трехгодичных педагогических курсов, в которые в 1917–1918 гг. были реорганизованы учительские семинарии. В 1919–1920 гг. в пределах губернии работали следующие педагогические курсы: Самарские, Ставропольские, Мелекесские, Бузулукские, Грачевские, Сорочинские, Бугульминские, Бугурусланские²¹. В течение 1921–1928 гг. сеть педтехникумов в губернии была стабильной: два (русский и татаро-башкирский) работали в Самаре и четыре – в уездах: Мелекессе, Бугуруслане, Бузулуке и Малом Толкае (мордовский)²². Поскольку в педагогических техникумах просматривается преемственность с дореволюционными учебными заведениями (учительскими семинариями), можно предположить, что в них продолжали трудиться многие из прежних преподавателей, которые смогли сохранить положительные наработки из своего опыта.

В первые годы существования педагогические техникумы имели небольшой выпуск. За пять лет, с 1921 по 1926 гг., русский педтехникум в Самаре подготовил 100 учителей, Бузулукский – 274 педагога²³. Со временем число учащихся в техникумах и их выпуск стали расти: если в 1921–1922 уч. г. в педтехникумах обучалось 505 студентов, то в 1926–1927 уч. г. их контингент увеличился до 1048 чел., а выпуск составил 260 молодых педагогов²⁴. Таким образом, выпускники педагогических техникумов постепенно становились ядром учительских коллективов сельских и городских школ. Тем не менее, это не могло удовлетворить спрос на учителей для школ I ступени и решить проблему дефицита учительских кадров, который постоянно возрастал в связи с подготовкой к введению всеобщего начального обучения.

Для ускоренной подготовки учителей начальных классов были созданы также одногодичные педагогические курсы. Они организовывались вместо закрывшихся педагогических классов дореволюционных женских учебных заведений. Курсы функционировали и в Самарской губернии при

педагогическом факультете Самарского университета, а также в уездах, в 1918–1919 уч. г. на них обучалось 500 человек. Так, выпускники педагогических курсов в Пугачевском уезде должны были проработать в должности народного учителя один год в пределах уезда. На курсы принималась молодежь старше 17 лет, в первую очередь по направлениям пролетарских организаций и комитетов бедноты²⁵. Так в те далекие годы зародился первый опыт целевой подготовки дефицитных кадров, обращение к которому актуально и в наши дни.

Благодаря деятельности Самарского университета, педагогических техникумов и курсов состав учительства в губернии менялся: в нем росла доля молодежи, которая не имела педагогического опыта, но была заряжена идеями строительства нового социалистического общества.

В 1917–1927 гг. в школе трудилось не только новое поколение учителей, но и преподаватели, получившие образование до революции и накопившие свой опыт обучения и воспитания детей. Советская власть поставила задачу вовлечь эту часть педагогической интеллигенции в создание единой трудовой школы. В постановлении ЦК РКП(б) «О работе среди работников просвещения» (1921) говорилось: «Мы должны сделать все от нас зависящее для того, чтобы эту высоко полезную общественную группу втянуть в интересы и творческую работу Советского государства, всячески помогая ей окончательно и возможно скорее изжить то непонимание значения и смысла переживаемых событий, переживаемой исторической эпохи, которое непосредственно после Октябрьской революции бросило часть ее в стан врагов Советской власти»²⁶.

Современники отмечали, что откровенно враждебно к революции относилась небольшая горстка «аристократии от интеллигенции», а рядовые учителя занимали колеблющуюся позицию, которую можно объяснить целым рядом причин: неприятием части из них декларируемых новой властью идей строительства социализма, неуверенностью в своем будущем при новом советском строе, трудностями в осуществлении школьной реформы и неготовностью к ней «старых» педагогов.

Важную роль в системе подготовки и повышения квалификации учителей в изучаемый период стали играть общественно-политическое просвещение и пропаганда. Так, с января по май 1922 г. Самарский губернский отдел народного образования организовал трое курсов политграмоты для работников просвещения, на которых занимались 252 человека. На краткосрочных педагогических курсах в г. Самаре для учителей города и Самарского уезда летом того же года в качестве обязательной дисциплины вводилась теория и методика политграмоты. В 1923 г. Самарский губернский отдел народного образования утвердил минимум требований в знании политграмоты, который был обязателен для работников просвещения. Все они должны были за период летних каникул самостоятельно подготовиться к проверочному испытанию в знании политграмоты. Двухмесячные летние педагогические курсы для учителей татарских и башкирских школ губернии в свою программу, состоящую из 708 лекционных часов, включали 64 часа политграмоты²⁷. Например, программа губернских курсов переподготовки предусматривала изучение советской Конституции, текущей внутренней и международной политики РКП(б) и советского государства, хозяйства Самарской губернии, педагогических и методических вопросов, основ политико-просветительной работы среди населения и др. Подавляющее большинство учителей отмечали, что курсы дали им много полезного для работы в школе и вне ее. Так, учитель И. Г. Семдянов из деревни Кирсановка Бугурусланского уезда в анкете по итогам обучения написал: «До курсов многое представлялось смутным, неясным. Сейчас я чувствую уверенность, а эта уверенность скажется и на успехах преподавания»²⁸.

О настроениях учительства в те годы газета «Коммуна» писала: «Желание учиться, переподготовить себя общественно-политически, освежить свои знания и по-новому, по-коммунистически, подойти к делу у народных учителей огромное»²⁹. Конечно, не все учителя, особенно с дореволюционным опытом, были так воодушевлены необходимостью постигать политграмоту, чтобы быть допущенными к преподаванию. В большей степени это характеризует позицию молодых педагогов, которые гораздо быстрее приняли перемены, происходившие в стране. Профессионализм учителя теперь тесно увязывался с его политической подготовкой и позицией.

Особенно широкий и планомерный характер переподготовка учительства приняла с 1924–1925 уч. г. Если к концу 1923 г. в системе кружков, курсов и конференций ее прошло 550 чел., или 24% учителей Самарской губернии, то уже в 1924–1925 уч. г. в эту работу было вовлечено не менее 90% сельских учителей, 100% городских учителей школ I ступени и до 60% учителей школ II ступени³⁰. В своем докладе на заседании Совнаркома в 1925 г. А. В. Луначарский говорил о работе с учительством так: «... подобного подъема учителей в своей квалификации не видел мир»³¹.

Помимо выполнения своего профессионального долга самарское учительство включилось в общественную жизнь своих сел и деревень, развернув большую культурно-просветительную работу. Многие сельские учителя в 1920-е гг. были членами волисполкомов, сельсоветов, правлений и ревизионных комиссий кооперативов, различных добровольных обществ, сельскими корреспондентами, проводили кампании по сельскохозяйственному налогу и крестьянскому займу. «В настоящее время сельский учитель – он и учитель, и артист, и ликвидатор безграмотности, и работник при ВИКе (волисполкоме – Н. Т.)» – констатировал губернский съезд по социальному воспитанию в январе 1924 г.³². Заведующий Самарским губоно А. П. Тюркин говорил на съезде работников уездных отделов народного образования в 1926 г.: «Роль учителя в общественной работе чрезвычайно велика. Учительство должно отвечать на все злободневные текущие вопросы. Участие же в таких кампаниях как борьба с беспризорностью, ликвидация неграмотности, перевыборы Советов и Комитетов взаимопомощи нужно считать бесспорно необходимыми»³³.

Вот несколько примеров той работы, которую вел учитель помимо школьной. В селе Бузаевка Самарского уезда учительница Т. Крашенинникова заведовала местной избой-читальней, в деревне Шелехметь Рождественской волости учитель Н. М. Кавцевич постоянно вел беседы с крестьянами о советском строительстве, многополье и различных видах обработки земли, учительница-комсомолка А. П. Мамыкина, работавшая в селе Амакан Бугурусланского уезда, являлась женским организатором³⁴.

В селе Березовка Пугачевского уезда вела просветительную работу учительница Зайцева. «Дочь деревенского батрака, человек, полный скромности, огромного энтузиазма, неиссякаемой энергии и любви к тому делу, которое она делает, – писала о педагоге местная газета «Коммуна». – А делает она далеко не маленькое дело: она мужественно воюет с вековой косностью и темнотой крестьян за культурную революцию, за коренную переделку деревни». По дневнику этой учительницы можно судить о той работе, которую она выполняла: «7/II – 1925 г. Занятия в школе – 4 часа, подготовка к школьным занятиям – 2 часа, работа с делегатками – 2 часа, занятие по политграмоте и в партячке – 3 часа, чтение дома – 4 часа. 8/II – 1925 г. Школьная работа и подготовка к ней – 6 часов, собрание крестьян – 6 часов, чтение дома – 4 часа» и т.д.³⁵ Судя по этому дневнику, общественно-политическая работа учительницы Зайцевой порой превышала ее профессиональную работу. Несмотря на то, что в газетной статье с восторгом рассказывается о «войне» педагога с косностью и темнотой крестьян, очевидно, что каждый его день чрезвычайно перегружен.

Вот как описал подобную картину один из сельских корреспондентов: «В школе по утрам учатся краснощекие сельские ребятишки. В шубах, полушубках и шапках проводят они свой «рабочий день», набираясь знаний. От парты к парте – греется – бегают седоусый человек в подшитых валенках. Это – учитель. С утра до обеда он проводит время в школе, показывая и рассказывая детям как нужно и можно коллективно работать. Вечером в той же школе учитель имеет перед собой другую аудиторию. На тех же партах теперь восседает молодежь и среди нее человек 5–6 важных бородачей – дедушек. А учитель уговаривает слушаться советских агрономов. Убеждает стариков не мешать молодежи жить по-новому»³⁶.

В августе 1924 г. президиум Самарского губернского отдела профсоюза работников просвещения присвоил 14 работникам этой отрасли звание Героя Труда. Среди них было шесть учителей: Е. Р. Викторова – заведующая 4-й опытной школой I ступени г. Самара, ставшая впоследствии автором популярного учебника «Маленький математик. Год 1» (Е. Р. Викторова, Н. А. Иванова. – Москва; Са-

мара: Ср.-Волж. краев. гос. изд-во, 1932), Е. С. Клячина – учительница школы № 35 I ступени им. Т. Г. Шевченко, С. С. Мокрова – учительница школы № 12 I ступени, заведующий школой № 1 II ступени им. Л. Н. Толстого А. М. Потапов, заведующий школой № 5 II ступени им. Н. А. Некрасова Н. П. Рыскин, учительница школы № 8 I ступени им. И. А. Гончарова Ф. Я. Успенская³⁷. Известно, что звание «Герой Труда» было учреждено в СССР в 1927 г. Приведенные факты свидетельствуют, что на местах присвоение этого звания стало практиковаться и раньше за заслуги в определенной губернии. Присвоением звания Героя Труда была отмечена деятельность учителей Самарской губернии в период до Октябрьской революции и в советское время. Все они начали работать в народном образовании еще в 1880-е гг. в начальных школах, земских училищах, воскресных школах для взрослых. После 1917 г. все названные учителя проявляли «максимум энергии, твердость и настойчивость в изыскании путей к осуществлению целей и задач единой трудовой школы». Кроме учительской они вели и общественную работу: Серафима Семеновна Мокрова в 1922 г. была избрана в члены Самарского городского Совета, была народным заседателем; Александр Михайлович Потапов читал лекции на учительских курсах в г. Мелекесе; Никита Павлович Рыскин был лектором в Самарском Доме Крестьянина, преподавателем в Народном Университете и краткосрочных учительских курсах, участвовал в составлении программ по ряду предметов для школ I ступени³⁸. Таким образом, мы видим, что педагоги «старой» школы также проявляли высокую общественную активность.

Проанализируем основные характеристики учительства г. Самара в 1927–1928 уч. г. по полу, возрасту и стажу, приведенные в таблице 1³⁹:

Таблица 1. Сводные данные по учителям г. Самара (1927–1928 уч.г.)

	Пол		Возраст до				Стаж до					Образование		
	Муж.	Жен.	25 лет	30 лет	40 лет	50 и более	5 лет	10 лет	15 лет	20 лет	25 и более	высшее	Среднее	низшее
Учителя школ I ст.	37	262	32	42	117	4	40	53	111	50	45	42	226	31
Учителя школ II ст.	157	157	13	65	127	17	72	80	105	29	28	195	101	18
Зав. школами I ст.	11	18	-	8	9	5	1	8	8	4	8	10	19	-
Зав. школами II ст.	16	2	-	2	7	4	2	3	6	5	2	12	6	-

Исходя из данных таблицы «портрет» среднестатистического учителя губернского центра выглядит следующим образом: в школах I ступени это женщина 40 лет со стажем работы 15 лет и более, имевшая среднее образование; в школах II ступени наблюдалось гендерное равенство, также преобладал возраст педагогов 40 лет и более, однако высшее образование имели большинство учителей (195 из 314). В школах обеих ступеней преобладали учителя с дореволюционным педагогическим стажем.

Характеристика учителей уездов Самарской губернии по стажу в 1926 г. дает несколько иную картину, которую можно увидеть по таблице 2⁴⁰:

Из приведенной таблицы следует, что в селах и деревнях Самарской губернии работали преимущественно учителя, имевшие стаж 10 лет и менее (1672 человека против 734 со стажем свыше 15 лет). Это были кадры молодых педагогов, воспитанные в новой политической и культурной реальности.

Таблица 2. Сводные данные по учителям уездов Самарской губернии (1926 г.)

Уезды	Стаж до							
	Менее 1 года	3 лет	5 лет	10 лет	15 лет	20 лет	25 лет	Более 25 лет
Самарский	72	27	35	103	-	80	24	8
Бугурусланский	87	137	157	92	70	16	12	13
Бузулукский	9	71	121	165	82	47	30	25
Мелекесский	-	-	115	147	66	51	31	25
Пугачевский	35	64	70	165	75	67	-	12
Итого	203	299	498	672	293	261	97	83

От учительства напрямую зависела реализация школьной реформы, которую проводил Наркомпрос. В первое послереволюционное десятилетие в педагогической среде происходили серьезные изменения, обусловленные политическими, социально-экономическими и культурными процессами этого периода. Проведенный анализ учительских кадров Самарской губернии в 1917–1927 гг. позволяет сделать ряд выводов об источниках их формирования, образовательном и профессиональном уровне, материальном положении и общественно-политической активности. Изученные архивные материалы свидетельствуют, что учительство Самарской губернии было разнообразным по своему социальному происхождению, уровню образования и педагогического стажа. При этом различия существовали между педагогами губернского центра и уездов. К концу рассматриваемого периода в г. Самара трудились преимущественно учителя, имевшие дореволюционный педагогический опыт. Это позволяет предположить, что они были носителями прежних культурных и нравственных ценностей, несмотря на необходимость перестраиваться в соответствии с требованиями времени. Дореволюционное учительство пошло на это, исходя из своего понимания профессионального долга. Через систему различных курсов повышения квалификации началась массовая переподготовка «старого» учительства с упором на политическое просвещение. В уездных образовательных учреждениях преобладало новое поколение учительских кадров из рабочих и крестьян, не имевшее достаточного педагогического опыта, но активно включившееся в процессы социальных преобразований и общественно-политическую работу.

На всем протяжении изучаемого периода система народного образования испытывала дефицит учителей. Основным источником формирования педагогических кадров для Самарской губернии стали педагогические техникумы, которые готовили специалистов в том числе и для национальных школ. Однако это не умаляет значимости и других форм подготовки учительства.

Советская власть осознавала роль этой профессиональной группы в обучении и воспитании новых поколений, ликвидации неграмотности взрослых. Поэтому улучшение материального положения учителей стало одним из важных направлений ее социальной политики. В начале изучаемого периода материальное обеспечение школьных педагогов Самарской губернии было крайне низким. В 1927 г. их среднемесячный заработок превысил дореволюционный, однако с учетом высокой общественной нагрузки учителей его вряд ли можно считать высоким. Рост доходов стал залогом сбережения имеющихся учительских кадров, но недостаточным для преодоления их дефицита.

Изучение истории педагогической интеллигенции в 1917–1927 гг. на примере Самарской губернии показывает как положительный, так и неприемлемый в настоящее время опыт. Советской власти удалось вовлечь абсолютное большинство просвещенцев в дело строительства единой трудовой школы на основе идеи о ее демократизации и равном доступе к образованию. Положительным следует считать сохраняющуюся в школах II ступени высокую долю педагогов-мужчин. В начальной школе процесс феминизации учительства был налицо. По-разному можно оценивать явно обозначившуюся к середине 1920-х гг. тенденцию тесно увязывать профессиональные качества учителей

с их политической позицией. Государство все более вовлекало именно эту группу интеллигенции в различные формы общественно-политической активности, пропаганду социалистической идеологии. Четкая гражданская позиция должна быть у любого учителя, чтобы он смог воспитать достойного своей страны человека. Учительство 1920-х гг. смогло это сделать, поскольку донесло до своих учеников не только новые идеи, но и «старые» ценности о долге и любви к своему Отечеству. Иначе не состоялась бы великая Победа 1945 г., которую они совершили.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Центральный государственный архив Самарской области (далее - ЦГАСО). Ф. 353. Оп. 1. Д. 17. Л. 130. Д. 21. Л. 33 об.
- ² Головин С. А. Имущественная дифференциация доходов населения СССР в 20–30-е годы XX века // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Общественные и гуманитарные науки. СПб., 2008. № 11 (66). С. 178.
- ³ Головин С. А. Имущественная дифференциация доходов населения СССР в 20–30-е годы XX века // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Общественные и гуманитарные науки. СПб., 2008. № 11 (66). С. 178; ЦГАСО. Ф. 81. Оп. 1. Д. 870. Л. 236.
- ⁴ ЦГАСО. Ф. 353. Оп. 1. Д. 88. Л. 357; «Коммуна». 1923. 19 января.
- ⁵ ЦГАСО. Ф. 353. Оп. 1. Д. 176. Л. 112 об.; Д. 212. Л. 2 об.
- ⁶ Головин С. А. Имущественная дифференциация доходов населения СССР в 20–30-е годы XX века // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Общественные и гуманитарные науки. СПб., 2008. № 11 (66). С. 179.
- ⁷ ЦГАСО. Ф. 353. Оп. 1. Д. 246. Л. 2 об.; Д. 247. Л. 13; Постановление ЦИК и СНК Союза СССР от 15 января 1925 г. «О пенсионном обеспечении учителей школ I ступени сельских и городских и других работников просвещения в деревне// Основные узаконения и распоряжения по народному просвещению. М.; Л., 1929. С. 130–132.
- ⁸ Культурное строительство в Куйбышевской области. 1917–1937 гг. Сборник документов. Куйбышевское кн. изд-во. 1979. С. 47.
- ⁹ ЦГАСО. Ф. 353. Оп. 1. Д. 246. Л. 23.
- ¹⁰ ЦГАСО. Ф. 353. Оп. 1. Д. 20. Л. 4–4 об., 6.
- ¹¹ ЦГАСО. Ф. 353. Оп. 1. Д. 222. Л. 278; Д. 246. Л. 23.
- ¹² ЦГАСО. Ф. 353. Оп. 1. Д. 93. Л. 63 об.; Д. 99. Л. 85 об.
- ¹³ ЦГАСО. Ф. 353. Оп. 1. Д. 44. Л. 60 об.
- ¹⁴ ЦГАСО. Ф. 353. Оп. 1. Д. 20. Л. 90 об.; Д. 149. Л. 5–5 об.
- ¹⁵ Культурное строительство в Куйбышевской области. 1917–1937 гг. Сборник документов. Куйбышевское кн. изд-во. 1979. С. 87; ЦГАСО. Ф. 353. Оп. 1. Д. 99. Л. 85 об.
- ¹⁶ ЦГАСО. Ф. 353. Оп. 1. Д. 280. Л. 22; Д. 150. Л. 55 об.
- ¹⁷ Луначарский А. В. Педагог и его задачи// Педагогическая энциклопедия. Т. 1. М.: Работник просвещения. 1929. С. 10.
- ¹⁸ Синельникова Е. Ф. Из центра на периферию: петроградские ученые в Самаре в первые послереволюционные годы//Социология науки и технологий. 2021. Том 12. № 4. С. 67–80. С. 73.
- ¹⁹ Коммуна. 1922. 23 марта; ЦГАСО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 197. Л. 24.
- ²⁰ ЦГАСО. Ф. 81. Оп. 1. Д. 37. Л. 42; Коммуна. 1922. 2 декабря.
- ²¹ ЦГАСО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 28. Л. 25.
- ²² Культурное строительство в Куйбышевской области. 1917–1937 гг. Сборник документов. Куйбышевское кн. изд-во. 1979. С. 54.
- ²³ Коммуна. 1926. 19 октября.
- ²⁴ Культурное строительство в Куйбышевской области. 1917–1937 гг. Сборник документов. Куйбышевское кн. изд-во. 1979. С. 54; ЦГАСО. Ф. 353. Оп. 1. Д. 246. Л. 6, 8.
- ²⁵ Культурное строительство в Куйбышевской области. 1917–1937 гг. Сборник документов. Куйбышевское кн. изд-во. 1979. С. 29, 47; Коммуна. 1927. 8 июля.
- ²⁶ Директивы ВКП(б) и постановления Советского правительства о народном образовании/ Сост. Н. И. Болдырев. [Текст]: Сборник документов за 1917–1947 гг. – М.; Л.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1947. Вып. 1. С. 175.

- ²⁷ ЦГАСО. Ф. 353. Оп. 1. Д. 44, Л.80, 81; Д.21, Л. 55; Д. 41, Л.472.
- ²⁸ ЦГАСО. Ф. 353. Оп. 1. Д.166, л. 146; Коммуна. 1926. 26 июня
- ²⁹ Коммуна. 1924. 9 июля.
- ³⁰ Культурное строительство в Куйбышевской области. 1917–1937 гг. Сборник документов. Куйбышевское кн. изд-во. 1979. С. 87; ЦГАСО. Ф. 353. Оп. 1. Д. 154, л. 212 об.
- ³¹ Народное просвещение. 1925. № 7–8, с. 22.
- ³² ЦГАСО. Ф. 353. Оп. 1. Д. 154. Л. 32; Д. 88. Л. 16.
- ³³ ЦГАСО. Ф. 353. Оп. 1. Д. 178. Л. 7.
- ³⁴ Коммуна. 1926. 9 февраля, 17 февраля, 26 июня.
- ³⁵ Коммуна. 1925. 17 октября.
- ³⁶ Коммуна. 1925. 22 июня.
- ³⁷ ЦГАСО. Ф. 364. Оп. 2. Д. 78. Л. 66 об.; Д. 57. Л.4).
- ³⁸ ЦГАСО. Ф. 364. Оп. 2. Д. 78. Л. 62, 63, 68; Д. 129. Л. 1–2, 6–6 об., 73–74 об.
- ³⁹ ЦГАСО. Ф. 353. Оп. 1. Д. 280. Л. 22.
- ⁴⁰ ЦГАСО. Ф. 353. Оп. 1. Д. 150. Л. 49 об.

ЛИТЕРАТУРА

1. Головин С. А. Имущественная дифференциация доходов населения СССР в 20–30-е годы XX века // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Общественные и гуманитарные науки. СПб., 2008. № 11 (66). С. 177–186.
2. Директивы ВКП(б) и постановления Советского правительства о народном образовании /Сост. Н. И. Болдырев. [Текст]: Сборник документов за 1917–1947 гг. – М.; Л.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1947. Вып. 1. 320 с.
3. Культурное строительство в Куйбышевской области. 1917–1937 гг. Сборник документов. Куйбышевское кн. изд-во. 1979. 312 с.
4. Коммуна. 1922, 1923, 1924, 1925, 1926, 1927.
5. Луначарский А. В. Педагог и его задачи// Педагогическая энциклопедия. Т. 1. М.: Работник просвещения. 1929. С. 1–10.
6. Народное просвещение. 1925. № 7–8.
7. Постановление ЦИК и СНК Союза СССР от 15 января 1925 г. «О пенсионном обеспечении учителей школ I ступени сельских и городских и других работников просвещения в деревне// Основные узаконения и распоряжения по народному просвещению. М.; Л., 1929. С. 130–132.
8. Синельникова Е. Ф. Из центра на периферию: петроградские ученые в Самаре в первые послереволюционные годы//Социология науки и технологий. 2021. Том 12. № 4. С 67–80.
9. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 28. Оп. 1, Ф. 81. Оп. 1, Ф. 353. Оп. 1, Ф. 364. Оп. 2.

REFERENCES

1. Golovin S. A. Imushhestvennaya differenciaciya doxodov naseleniya SSSR v 20–30-e gody` XX veka // Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena. Obshhestvenny`e i gumanitarny`e nauki. SPb., 2008. № 11 (66). S. 177–186.
2. Direktivy` VKP(b) i postanovleniya Sovetskogo pravitel`stva o narodnom obrazovanii /Sost. N. I. Boldy`rev. [Tekst]: Sbornik dokumentov za 1917–1947 gg. – M.; L.: Izd-vo Akad. ped. nauk RSFSR, 1947. Vy`p. 1. 320 s.
3. Kul`turnoe stroitel`stvo v Kujby`shevskoj oblasti. 1917–1937 gg. Sbornik dokumentov. Kujby`shevskoe kn. izd-vo. 1979. 312 s.
4. Kommuna. 1922, 1923, 1924, 1925, 1926, 1927.

5. Lunacharskij A. V. Pedagog i ego zadachi// Pedagogicheskaya e`nciklopediya. T. 1. M.: Rabotnik prosveshheniya. 1929. S. 1–10.
6. Narodnoe prosveshhenie. 1925. № 7–8.
7. Postanovlenie CIK i SNK Soyuzha SSSR ot 15 yanvarya 1925 g. «O pensionnom obespechenii uchitelej shkol I stupeni sel`skix i gorodskix i drugix rabotnikov prosveshheniya v derevne// Osnovny`e uzakoneniya i rasporyazheniya po narodnomu prosveshheniyu. M.; L., 1929. S. 130–132.
8. Sinel`nikova E. F. Iz centra na periferiyu: petrogradskie ucheny`e v Samare v pervy`e poslerevolucionny`e gody`//Sociologiya nauki i tehnologij. 2021. Tom 12. № 4. S 67–80.
9. Central`ny`j gosudarstvenny`j arxiv Samarskoj oblasti (CzGASO). F. 28. Op. 1, F. 81. Op. 1, F. 353. Op. 1, F. 364. Op. 2.

SAMARA TEACHING STAFF IN 1917–1927

© 2026 N.A. Tatarenkova

Samara State Medical University

Based on the analysis of archival and open sources, the author examines the history of Samara teaching staff during a crucial period for the country. The article presents an analysis of changes in the staff of educational workers at the regional level, which made it possible to turn the Soviet school into an important tool for building a socialist society. It is shown that the peculiarities of the Samara Volga region left their mark on the processes that took place in the public education system in 1917-1927. In this region, at the epicenter of the Civil War and famine of 1921-1922, teachers faced hardship. The state could not provide them with pre-revolutionary living standards. The financial situation of the teaching staff is characterized as a factor that has a significant impact on the formation of this professional group and its socio-political activity. It is proved that in 1927 the average monthly earnings of teachers exceeded the pre-revolutionary level, however, given their high social burden, this was not enough. It is concluded that the teaching staff of the Samara province was diverse in terms of social background, level of education and teaching experience. There were differences between teachers in the provincial center and the districts. The data show that by the end of the period under review, the teaching staff in Samara was represented primarily by teachers who had pre-revolutionary teaching experience. Through a system of various advanced training courses, a large-scale retraining of the «old» teaching staff began with an emphasis on political education. The district educational institutions were dominated by a new generation of teachers from among workers and peasants who did not have sufficient pedagogical experience but actively engaged in the processes of socialist transformation and socio-political work. It is shown that throughout the period under study, there was a shortage of teachers in the public education system, especially highly qualified ones. The main source of the formation of pedagogical personnel for the Samara province were pedagogical colleges, which trained specialists, including for national schools. The author assesses the tendency that emerged by the mid-1920s to closely link the professional qualities of teachers with their political position.

Keywords: People's Commissariat of Education, Pedagogical Institute, teaching experience, pedagogical college, political education, Samara province, teaching staff.

DOI: 10.37313/2658-4816-2026-8-1-48-58

EDN: YBOWJL